

811.161.1:42

Е. В. Чернцова

Дискурсивные слова как маркеры нарративной семантики «возможного мира»

Чернцова О. В. Дискурсивні слова як маркери нарративної семантики «можливого світу». Статтю присвячено вивченню модальної семантики дискурсивних слів (ДС) та тієї ролі, що грають ДС у створенні «можливого світу» наратора. Особливу увагу приділено дискурсивним словам як засобам формування «референційної невизначеності» висловлювання.

Ключові слова: дискурсивні слова, нарратив, можливий світ, референційна невизначеність.

Чернцова Е. В. Дискурсивные слова как маркеры нарративной семантики «возможного мира». Статья посвящена рассмотрению модальной семантики дискурсивных слов (ДС) и той роли, которую играют ДС в построении «возможного мира» наратора. Особое внимание уделяется дискурсивным словам как средствам формирования «референциальной неопределенности» высказывания.

Ключевые слова: дискурсивные слова, нарратив, возможный мир, референциальная неопределенность.

Cherntsova E.V. Discourse words as the narrative semantic markers of the "possible world". The article studies the modal semantics of discourse words (DW) and the role the DW play in constructing a "possible world" of the speaking narrator. The special attention is given to the discourse words as the formation devices of reference uncertainty in an utterance.

Key words: discourse words, narration, possible world, reference uncertainty.

Настоящая статья посвящена модальной семантике дискурсивных слов (ДС) *очевидно, видимо, по-видимому, наверное, верно, вероятно, по всей вероятности, возможно, может, может быть, должно быть* и некоторых др. и той роли, которую играют эти слова в построении «возможного мира» говорящего-наратора. Задача видится в том, чтобы уяснить референциальную специфику высказываний, связанных с понятием «возможного мира».¹ В создании «возможного мира» проявляется

¹ Ю.С.Степанов отмечает важные особенности пространства «возможных миров». Во-первых, ментальное, или воображаемое, пространство формируется именно как пространство референции, т.е. в формах языка. Во-вторых, ему предшествует пространственное семантики, т.е. мыслимое именно как видимое пространство, в котором размещены «вещи». Черты первоначального «своего» мира распространяются на все более далекий пространства, а затем, когда физическое освоение за дальностью пространства становится невозможным, освоение продолжается мысленно, путем переноса, экстраполяции уже известных параметров на все более отдаленные расстояния. В сущности, этот процесс довольно несложен, он напоминает логическую индукцию и совершается по принципу, который,

смыслопорождающий характер человеческой мысли и реализуется миропорождающий потенциал модальных слов, в том числе и ДС.

Логико-философская теория возможных миров как методологическая база исследования позволяет связать модальные функции ДС с процедурой «снятия референции». В акте «снятия референции» отражается основная интенция нарратора, которая, как представляется, в самом общем виде связана с потребностью в творческом самовыражении субъекта посредством создания особого ментального мира, могущего быть репрезентированным в виде текста. Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности [1:310]. Интенции коммуникативного субъекта непосредственно выражаются ДС-парентезами и оформляются в тексте (в том числе и художественном) как нарративные иллокутивные стратегии.

Известно, что в лингвистике референция толкуется как логическая определенность высказывания, позволяющая идентифицировать вещь или лицо в качестве предмета речи. В свою очередь, «возможный мир» – это мир говорящего, находящегося в реальном мире, но проецирующего свое «я» в иные мыслительные пространства, в том числе и воображаемые. ДС маркируют текстовую репрезентацию «возможного мира», который представляет собой нечто мыслимое, воображаемое, не обязательно связанное с реальным положением дел. Ср.: *Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо...* (А. П. Чехов). Эта функция ДС актуализирует значимость нарратива как органичной сферы их «обитания». «Сверхпрагматика» художественного дискурса, по мнению О. Г. Ревзиной, состоит в подтверждении идентификации человека как творца, который - искушаемый

выражаясь разговорным языком, можно описать словами «Подобно тому миру, в котором я действительно живу (хожу, действую), устроен также более отдаленный мир, в котором я могу жить (двигаться, действовать), и еще более отдаленный мир, в котором я мог бы действовать (но вряд ли буду, так как он слишком далек), и еще и еще более отдаленный мир, в котором я никогда не могу быть, так как он слишком отдален, но который я могу себе представить точно таким же образом, как и все предыдущие, - но только лишь – и единственно – в мысли» [8:138].

дьяволом или благословляемый Богом, мог бы мыслить о себе, как Мандельштам: «И я когда-нибудь прекрасное создам...» [5:75].

Рассмотрим роль модальной составляющей значений ДС-парентез (*наверное, вероятно, может быть, должно быть, видимо, по-видимому и др.*) в создании семантики «возможного мира» говорящего-нарратора. В научно-учебной литературе этой группе ДС традиционно приписывается значение «оценки говорящим сообщаемого с точки зрения достоверности (уверенность, предположение, возможность, неуверенность)» [6:230]. Как представляется, неуверенность говорящего в логической определенности сообщения или его сомнения в правильности излагаемого выражаются понятийно лексическими значениями однозначных слов: *сомневаться, сомневающийся, сомнения, сомнительный*, а также: *не уверен, неуверенность, неуверенный* и др. Соответствующие ДС не столько выражают неуверенность или сомнения говорящего, сколько снимают фактическую пресуппозицию утверждений, в силу чего признак фактического соответствия/ несоответствия сообщаемого действительности по отношению к таким утверждениям (с ДС) перестает быть актуальным. Ср.: *Где он сейчас находится, не знаю. Наверное, где-нибудь за Уралом. Кто-то говорил мне, что у него там сестра или племянница.* В качестве аргументации предложенного толкования значений ДС можно привести факты языковой идиосинкразии, обуславливающей невозможность употребления ДС в высказываниях определенных семантических типов. Ограничения связаны с тем, что

1) в значения ДС впаяна отсылка к говорящему, поэтому ДС не соединяются с предикатами-перформативами мнения. Ведение ДС в семантическую структуру высказываний мнения приводит к конфликту двух субъективных модусов (Ср.: ***Я, наверное, думаю / считаю / полагаю...*). При этом ДС свободно включаются в контекст типа: *Он, наверное / возможно / должно быть / по всей вероятности, считает...*, где говорящим моделируется чужое мнение.

2) ДС обнаруживают ограничения на употребление в высказывании, произносимом от первого лица и сообщающем о факте, который связан с собственным действием говорящего: ***Наверное/возможно/кажется/по всей вероятности, я купил дом.* Такое утверждение о конкретном факте, сделанное на основе прямых наблюдений субъекта и опирающееся на его непосредственный опыт, имеет модус «Я это знаю». ДС вводит субъективный модус, который противоположен модусу знания: «Я этого не знаю, но предполагаю...».

3) ДС-парентезы не функционируют в составе так называемых номологические высказываний, поскольку последние не принимают модус мнения субъекта речи и представляют собой готовые эпистемы, имеющие модус «абсолютного» знания: «Все это знают»: ***Наверное/возможно/кажется/по всей вероятности, земля вращается вокруг своей оси / сумма углов треугольника равняется 180°.*

В контексте рассуждения важным является следующее свойство рассматриваемых ДС: они способны изменять прагматическую характеристику ситуации, которая заключена в значении слова. Проиллюстрируем это экспериментальным путем, для чего введем ДС в высказывание, в котором оценка приписывается говорящему. В исходном высказывании – *Брат выглядит больным* – говорящий выступает как лицо, которое непосредственно наблюдает и оценивает состояние другого человека. Введение ДС-парентезы в такое высказывание приводит к определенному семантическому эффекту: говорящий представлен уже не как лицо, непосредственно включенное в денотативную ситуацию, а как субъект мнения-предположения, основанного на предшествующем знании. Ср.: *Наверное/ возможно/по всей вероятности, брат выглядит больным.* Прагматическая ситуация, в свою очередь, представляет уже не контекст непосредственного восприятия говорящего, а контекст его ментальной деятельности. Наблюдения показывают, что большинство рассматриваемых ДС не совместимы с контекстом непосредственного зрительного наблюдения

и описания референта. Особенности субъективного модуса, который соответствует ДС, определяются тем, что предположения говорящего строятся на умозрительных данных, непосредственно не связанных с денотативной ситуацией. В значениях ДС отражаются особенности восприятия и его ментальной обработки: по линии референции мир осваивается человеком от «себя», от ближайшего пространства, – к пространству «вне себя», более дальнему. Результатом освоения оказывается создание не «мира видимого», а подлинно ментального, умозрительного мира [8:135]. Ср.: *Это письмо от того самого Столбеева, по смерти которого из-за завещания его возникло дело Версилова с князьями Сокольскими. Дело это теперь решается в суде и решится, наверное, в пользу Версилова; за него закон (Ф. М. Достоевский).*

Высказывания с ДС проявляют еще одну особенность семантики. Будучи модально амбивалентными, они допускают бесконфликтное сосуществование в структуре высказывания противоположных модусов – утвердительного и отрицательного. Ср.: *Наверное, завтра будет дождь, а может, и нет.* В подобном высказывании фактор референции оказывается снятым. Высказывание с ДС получает особый логический статус – одновременно не истинного, но и не ложного. Ср.: *Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь...известный народ! Знаю вас, чертей! (А. П. Чехов).* Вводимый ДС особый модус можно квалифицировать как модус «референциальной неопределенности». Модус подобного рода обеспечивает говорящему-нарратору комфортную психологическую позицию, предполагающую свободу мысли от фактов, свободу от необходимости в истинных суждениях.

ДС этой группы имеют важную прагматическую особенность – они не только смягчают категоричность утверждений, но и стирают грани между реальным и вымышленным, уподобляясь модусу фикциональности, который открывает путь свободе творческого самовыражения, воображения.

Воображение и Память имеют ни с чем не сравнимое значение прежде всего потому, что позволяют представить то, что может произойти, то, что возможно, вероятно. Соответствующее представление, позволяющее говорящему находиться одновременно в двух мирах – реальном и возможном, – важное свойство человека. Оно определяет перспективный характер человеческого интеллекта, именно той особенностью, которая воплощается в значении большого количества слов и выражений. Все они связаны с представлением будущих (прошедших) событий, которые могут возникать или воспроизводиться лишь в памяти или воображении. Ср.: - *Ну, Сергей, счастье наше, ты только слушай меня, я, брат, все знаю. Может быть, из платья что-нибудь дадут или из обуви (А. И. Куприн).* Соответственно, предсказания, предречения, пророчества, мечты, планы и т.п. обеспечиваются «мысленным взором/взглядом вперед/в будущее», который наделяет предмет мысли статусом бытия.

Не случайно самой яркой чертой человеческого интеллекта является фантазия – способность представить то, что не может произойти ни сейчас, ни в будущем, т.е. вообще никогда. Она еще раз показывает, что «нарисовать в сознании то, что в данный момент не наблюдаемо» - одна из важнейших, наиболее творческих и в то же время естественных для человека операций: она обеспечивает его возможностью дополнять то, что наблюдаемо, тем, что уже/еще/пока/вообще никогда не будет наблюдаемо [7:460]. Логический характер содержания фантазии и воображения можно квалифицировать как «реальность нереального». «Возможный (нереальный) мир» строится по образу и подобию реального мира, его события определяются временными, пространственными и каузальными связями. ДС как маркеры «возможного мира» вполне закономерно совмещаются с причинно-следственными конструкциями, фиксирующими соответствующую связь между явлениями (факторами), которые рассматривает говорящий. Ср.: *Зачем он все продолжал с ней идти? Наверное, отчасти им двигала еще инерция привычного обхождения с молоденькой женщиной (А. и Б. Стругацкие).*

Среди парентез рассматриваемой группы только ДС-парентезы *кажется/оказывается/оказалось*, деривационно связанные с предикатами *казаться/оказаться/оказываться*, отражают прагматическую ситуацию непосредственного восприятия говорящего. Ср., например логическое, понятийное значение «неточного восприятия» предиката *казаться* в контекстах типа: *Тебе все время что-нибудь кажется. Когда кажется, креститься надо* - и непонятийное, недескриптивное значение ДС-парентезы *кажется*:

- 1) - *Как звали мальчика - не помню. Кажется, Петя;*
- 2) - *Кажется, пахнет газом;*
- 3) - *Кажется, за нами следят;*
- 4) - *Кажется, вы уезжаете в Урюпинск?*
- 5) - *Кажется, Вы постриглись* – особое диалогическое, вежливое употребление, отражающее желание завязать разговор и разделить с собеседником свое мнение.

Все контексты с парентезой выражают, а не именуют когнитивное состояние говорящего, что фиксирует пример (1) – говорящий предпринимает усилие вспомнить; пример (2) – в момент восприятия говорящий пытается идентифицировать запах; примере (3) – говорящий эксплицирует содержание своей интуиции и т.д. Это внутреннее состояние выражается не понятийно, не дескриптивно, а симультанно: момент восприятия, его фиксации говорящим и момент речи совпадают. Эксплицитное, развернутое, понятийное и дескриптивное обозначение этого внутреннего состояния можно отразить в таком метавысказывании: «У меня нет достаточных оснований для умозаключения, но *интуиция подсказывает мне здесь и сейчас*: нечто имеет место, поэтому я предпринимаю усилие, пытаюсь понять и сформулировать это». Подобная рефлексия не характерна для обыденного сознания и в устно-разговорном дискурсе встречается крайне редко. Как видим, сознательные и подсознательные ментальные процессы / состояния концептуализируются в языке по-разному: в лексических

значениях полнозначных слов – понятийно, в значениях ДС-парентез – экзистенциально. ДС наряду со средствами, позволяющими «осознанно», понятийно обозначать внутренние состояния, дают возможность фиксировать внутренние состояния человека как экзистенциально достоверные.

Лингвисты давно установили факт функциональной аналогии в семантике модальностей, выражаемых предикатами-перформативами (*Я думаю, считаю, полагаю*) и ДС-парентезами (*наверное, возможно, вероятно и др.*). Тем не менее, интуитивно осознаваемые различия в употреблении этих средств пока еще определены не полностью. Открытыми остаются вопросы, и, в частности, такой: почему ДС и соответствующие им полнозначные лексемы не эквивалентны в художественном нарративе. (Ср. два контекста: 1) *Вронский был с ним [Михайловым] более чем учтив и, очевидно, интересовался суждением художника о своей картине... На разговоры Вронского о его живописи он [Михайлов] упорно молчал и так же упорно молчал, когда ему показали картину Вронского, и, очевидно, тяготился разговорами Голенищева и не возражал ему (Л. Н. Толстой)* и экспериментальный 2) **** Вронский был с ним [Михайловым] более чем учтив и, я думаю, интересовался суждением художника о своей картине... На разговоры Вронского о его живописи он [Михайлов] упорно молчал и так же упорно молчал, когда ему показали картину Вронского, и, я предполагаю, тяготился разговорами Голенищева и не возражал ему).** Как видим, в художественном контексте замена ДС-парентезы синонимическим вводным предложением не уместна, а вот в обыденном рассказе такая замена вполне допустима. Ответ на вопрос об неэквивалентности рассматриваемых синонимов можно дать, осмыслив характер языковой специфики ДС в сравнении их с предикатами-перформативами. Как показывают наблюдения, языковая специфика ДС определяется, во-первых, их особой коммуникативной ролью, соответствующей безударной «атонической теме», которая является своеобразной «теневой» нишей для говорящего.

Выказывания с ДС-парентезой обнаруживают асимметрию синтаксической и коммуникативной структуры высказывания: дополнительный элемент синтаксической структуры оказывается дискурсивно доминирующим. Спрятанный в «тени» синтаксической парентезы, речевой субъект обнаруживает свою экзистенциальную значимость и при этом нарратор получает позицию как бы «вне» своего текста и «над» своим текстом, как «драматург» в том смысле, что все слова он раздает чужим голосам.

Во-вторых, семантической опустошенности, непрозрачности внутренней формы ДС, десемантизованности их значения противостоит их иллокутивная функция, фиксируемая в актах порождения нарратива или реальной коммуникации. Семантически полноценные предикаты выполняют иную функцию, они являются «средством хранения и упорядочения информации» [3:24]. Слова, соответствующие таким предикатам, репрезентируют разные формы знания, организуют тезаурус, фиксируя в последнем результаты концептуализации и категоризации мира в соответствии со сложившейся в культуре языковой картиной мира. Эта функция связывает интенциональные предикаты с научно-гипотетическим типом дискурса. Сопоставление понятийных значений предикатов и прагматических значений ДС-парентез позволяет связать их с разными коммуникативными режимами. ДС-парентезы фиксируют процессуальность и динамику дискурса в реальном времени коммуникации (on-line), а предикаты – статический (номинативный) режим хранения и упорядочения информации (off-line).

ДС рассматриваемой группы вводят психологически комфортный для говорящего-нарратора модус «отмены референции», который стирает грань между истинностью и ложностью утверждений, реальностью и вымыслом, актуализируя тем самым экзистенциальную значимость внутреннего мира говорящего. Этот модус свободной, самоценной речи-мысли утверждает в ее экзистенциальной достоверности приоритет жизни над фактом, логической истинностью и реальностью.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема текста / М. М. Бахтин // Собр. соч. т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. [ред. С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили]. – М.: Русские словари, 1996. – 731 с.
2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / [под ред. К. Киселевой и Д. Пайара]. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.
3. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис...докт. филол. наук. – М., 2003.
4. Кубрякова Е.С. О термине дискурс и стоящей за ним структуре знания / Е.С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст : [сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров]. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 23–33. – (Studia philologia).
5. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66–78.
6. Русская грамматика: в 2 т./ [гл. ред. Н. Ю. Шведова / Ин-т русского языка АН СССР]. – М.: Наука, 1982. – Т. 2. Синтаксис. – 709 с.
7. Рябцева Н. К. Ментальная сфера по данным языка. Когнитивный аспект / Н. К. Рябцева // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского / Ин-т языкознания РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 453–465. – (Studia philologia).
8. Степанов Ю. С. Мир [Ментальные миры (Воображаемый мир; Возможный мир, а также Вселенная-Универсум) / Ю. С. Степанов // Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 95–142.